

УДК 94 (476) "18/19" (043.3) + 719:061.1 (476) (043.3)

Н.Е. КЛЕПИКОВ

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ (первая половина XIX ст.)

В отечественной истории первая половина XIX в. занимает особое место. Интерес к истории был закономерным явлением развивающейся национальной культуры. Организовывались экспедиции с целью отыскания древних памятников, возникли Общество истории и древностей российских и Археологическая комиссия, создавались первые музеи. Появился интерес к народному эпосу, музыкальному фольклору. Научные круги, принявшие активное участие в выработке определения понятия "памятник", долгое время считали, что наиболее действенной формой и методом охраны культурно-исторического наследия является создание Свода памятников. Поэтому, на протяжении всей первой половины XIX в. ученые занимались сбором информации о наличии памятников, их регистрацией и составлением характеристики их состояния.

Начало XIX ст. в Российской империи ознаменовалось подъемом просвещения, что повысило интерес к памятникам старины. Попечитель Московского университета М.Н. Муравьев писал: "Нет ничего приличнее гражданину, как любопытное внимание к славным происшествиям, к древностям, к местным обстоятельствам и обыкновениям своего отечества. Не знать сих особенностей народных – есть то, что быть иностранцем" [1, с. 20]. Именно на М.Н. Муравьева и была возложена задача создания Общества истории и древностей российских, открытого в 1804 г. при Московском университете. Были также разработаны специальные правила с указанием того, как принимать от частных лиц предметы, достойные музейной экспозиции и каким образом их сохранять [2, с. 28-33].

Одним из первых постановлений об охране памятников в Николаевскую эпоху явилось "Высочайшее повеление" от 31 декабря 1826 г. "О доставлении сведений об остатках древних зданий в городах и о запрещении разрушать оные" [3, с. 16]. Состояние памятников архитектуры действительно было плачевным. Они разрушались не только от времени, но и в результате "хозяйственной деятельности" людей. К примеру, в 1802 г. виленский военный губернатор Л.Л. Бенигсен разрешил новгородскому городничему Скалону разобрать остатки замковых башен с условием, что этим камнем вымостят улицы Новогрудка [4, с. 46]. Поэтому, новый указ был как нельзя кстати. Директор департамента государственного хозяйства и публичных зданий МВД С.С. Джунковский направил всем губернаторам распоряжение собрать сведения о древних замках, крепостях и других памятниках архитектуры, а также об их состоянии. Необходимо было уточнить: а) когда и кем оные строены, или перестроены; б) по какому случаю или для какого намерения; в) если они не полны, то сколько, когда и почему они разрушены; г) из каких материалов строены; д) какие в них достойные примечания, или отличные от обыкновенных, вещи или части оных, находятся; е) в каком они теперь положении, в чьем ведении и для чего употребляются, и наконец, можно ли их поддержать починкою, не переменяя их древних планов и фасадов" [5]. Кроме этого, МВД потребовало также вменить в обязанность городским архитекторам составлять планы и зарисовывать фасады памятников архитектуры.

Могилевский гражданский губернатор И.Ф. Максимов приказал всем городским и земским полициям, поветовым судам и городским магистратам срочно доставить ему необходимые сведения. Но чиновники не торопились. В течение

всего года губернатор получал рапорты из уездов, с докладами о том, что памятников не имеется. Лишь некоторые из них содержали в себе необходимую информацию. Например, из Рогачева пришло описание древнего городища с земляными валами и старинной церкви с настенными росписями. Местный начальник предположил, что "основание церкви положено в княжение Литовской княгини Марии Витольдовой в 1400 году...". Мстиславская полиция сообщила о городище Девичий Городок, а Копысский суд прислал рапорт с кратким описанием "Древнего Здания Польской Королевы Боны". К сожалению, эти доклады были весьма кратки и несодержательны, да и поступление сведений о памятниках старины крайне затянулось. Не получая ответа из западных губерний, С.С. Джунковский 20 октября 1827 г. в строгой форме повторил требование о немедленном доставлении сведений. Наконец, 4 декабря доклад о выявленных в губернии "древних зданиях" был послан в МВД могилевским губернатором [6]. Аналогичные сведения отослал в Санкт-Петербург витебский губернатор [7].

В указе от 14 декабря 1827 г., касательно древнейших построек, Николай I уточнил: "... разрушать их не должно, но и чинить ненужного не надобно..." [8, с. 50]. Двойкий смысл указа каждый понимал по-своему. К примеру, в феврале 1828 г. епископ Павел направил могилевскому губернатору письмо с просьбой "освидетельствования ветхостей церковных" древней Козмо-Демьяновской церкви в Рогачеве. Вскоре здание было разобрано, а строительные материалы употребили на сооружение ограды вокруг новой приходской церкви [9]. Были и другие примеры. В феврале 1832 г. могилевский епископ Гавриил обратился с письмом к генерал-губернатору Н.Н. Хованскому, в котором, кратко описав историю Спасо-Евфросиньевского храма в Полоцке, а также его "плачевное" состояние, просил о ремонте крыши для предохранения стен и сводов от разрушения. Здесь же он указал, что храм находится в руках "арендатора поиезуитских имений и... легко может от небрежения... или от недоброжелательства к правоверию потерпеть повреждение в стенах и в живописи, которая, к удивлению... сохранилась доселе...". Эта информация была передана в Санкт-Петербург, где Николай I сразу же дал указание рассмотреть в строительном комитете планы ремонта церкви. Уже 16 апреля 1832 г. Департамент духовных дел МВД сообщил генерал-губернатору решение о передаче церкви Спаса "в ведомство Греко-Российского духовенства, и чтоб сохранить сей священный памятник древнего зодчества и Православия в стране искони Русской от разрушения, сделать в оной церкви нужные исправления на счет казны" [10]. Ремонтные работы проводились под руководством архитектора Порто, который, к сожалению, не уловил первоначальный художественный образ памятника. Вследствие этого, церковь потеряла очень важную для художественного восприятия деталь – декоративный постамент под барабаном, который был скрыт повышенным чердачным помещением.

Примером сохранения памятников старины является история Люцинского замка. В 1829 г. губернатор Витебска сообщил генерал-губернатору о разрушении стен древнего замка. Дело в том, что местные жители постоянно брали землю с насыпи, что и явилось причиной оседания грунта и разрушения замковых строений. Генерал-губернатор князь Н.Н. Хованский распорядился "предписать Люцинскому городничему, чтоб принял должные в сем случае меры осторожности, отнюдь не дозволяя впрочем, ломать развалины замка". Но в мае 1830 г. вице-губернатор князь С.И. Давыдов предложил генерал-губернатору сломать часть Люцинского замка (письмо от 31 мая № 4601). Однако судьбе было угодно вмешаться в такое развитие событий. История стала известна в столице. Сразу же последовала "особенная собственноручная ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИ-

ЧЕСТВА резолюция: отнюдь не ломать” [11]. Была составлена смета на ремонт замка, а городничего привлекли к ответственности за недосмотр.

Требования выявлять памятники зодчества повторились в Общем наказе МВД от 3 июня 1837 г. Историк Л.В. Алексеев приводит текст предписания министра внутренних дел графа Д.Н. Блудова генерал-губернаторам. В нем говорилось: “На основании продолжения Свода I тома статьи 1360 в канцелярии МВД производятся, в числе прочих, дела по собиранию сведений о древних зданиях и вообще находимых древностях... Покорнейше прошу Ваше превосходительство доставить мне о таковых зданиях... как-то: монастырях, церквах, домах, водопроводах, мостах, развалин стен, остатках других памятников древности... точные и полные сведения с означением настоящего их положения и, если возможно, то доставить рисунки таковым древностям и изложить вкратце историю существования оных или преданий, кои на их счет сохранились” [12, с. 51]. Местные чиновники, как это было и раньше, стали присылать отписки – “памятников древности не имеется”. Лишь несколько докладов содержали в себе интересную информацию. В рапорте земского исправника Динабурга содержалась “Статистическо-археологическая ведомость” с кратким историческим очерком города, описанием старой крепости, замчища, валов, курганов, находимых старинных монетах и древних вещах (браслеты, каменные топоры, бердыши). Витебская полиция известила о существовании древней Свято-Благовещенской церкви. От Режицкого городничего пришло сообщение о развалинах старинного замка, а от люцинского – о крепостных стенах, с которых был снят план, хранящийся в “Витебской Губернской Чертеже” [13]. Полоцкая городская полиция прислала описания Евфросиньевского и Бельчицкого монастырей [14, с. 4, 5]. Вся собранная информация была передана витебским губернатором министру внутренних дел в докладе от 22 декабря 1838 г. [15]. Аналогичные доклады были сделаны и другими губернаторами. На основе материалов, поступивших из всех губерний России в статистическое отделение МВД, А.Г. Глаголин подготовил двухтомное “Краткое обозрение древнерусских зданий и других отечественных памятников”, изданное в 1839 – 1840 гг.

Выдвигаемые требования к гражданским губернаторам, городничим, местной полиции и епархиальным властям “о сбережении по возможности от разрушения памятников древности” были повторены указом Синода (1842) и Сената (1848), а затем закреплены особой статьей Строительного устава (1857). Однако все перечисленные выше законоположения фактически оставались благими пожеланиями. Подтверждением тому является уничтожение в Беларуси замковых башен типа “донжон”. В начале 30-х гг. XIX в. во время сооружения земляных бастионов Брестской крепости разобрали Берестейский столп. Об аналогичной башне древнего Турова известно, что она в 30-х гг. также была разрушена. На Туровском городище осталось лишь круглое возвышение диаметром около 11 метров [16, с. 10-11].

Примером варварского отношения к памятникам зодчества является уничтожение Смоленского замка в Оршанском районе. Его упадок и разрушение завершились в середине XIX в., когда хозяин Смоленск сенатор А. Семенов продал замок местным дельцам на кирпич. Аналогичная судьба постигла и Гольшанский замок, когда последний его хозяин Горбанев взорвал башни и стены, а кирпич пустил на строительство корчмы [17, с. 189, 192]. Попытки уничтожения были предприняты и в отношении Мирского замка. В.В. Калнин приводит выдержку из газеты “Курьер Виленский”, которая напечатала обращение поэта В. Сырокомли. В письме были такие строки: “Если мы с честью записываем имена тех, которые возносят памятники родного края, то, по моему суждению, не меньшей обя-

занностью периодической печати будет записывать для всеобщей гласности имена тех, которые их разрушают. Как раз из моих бывших околиц доходят печальные известия об актах вандализма – уничтожения Мирского замка” [18, с. 27]. Вскоре в газету пришло оправдательное сообщение от Матея Ямонта, являвшегося администратором владения Витгенштейна (тогдашнего владельца Мира). После обсуждения писем общественностью, разборка стен Мирского замка прекратилась.

Иногда памятники погибали из-за недальновидности руководства городских управлений. Так случилось в Минске, где градостроительная ситуация, сложившаяся на площади Высокого рынка, не удовлетворяла местные власти. Они решили “исправить” ее, уничтожив старинную ратушу, построенную, вероятно, в 1499 г. По их мнению, ратуша занимала слишком большую часть площади, делала ее тесной, закрывала вид на соборную церковь и административные учреждения. Поэтому в 1851 г. в Санкт-Петербург был послан рапорт, в котором ложно сообщалось, что здание “весьма ветхое”. Вскоре пришла царская резолюция: “Сломать, а караул перевести в здание присутственных мест” [19, с. 78].

Местные власти относились к проблемам сохранения культурно-исторического наследия довольно равнодушно. Исключением из общего правила можно считать решение Витебской городской думы о сохранении Замковой горы в неприкосновенном виде. А началось все в июле 1842 г. с рапорта местного землемера губернатору Н.М. Клементьеву, в котором он сообщил, что жители на вершине горы “вырывают камни”, а в нижней ее части срезают слои земли для увеличения территории подворьев. Он написал также и о том, что во время “устроения чрез Город Шоссе” подрядчик без необходимости отрезал часть горы и не обложил дерном. Следствием этого явилось разрушение и размыв склона в дождливое время. 18 июля витебский губернатор подписал два приказа – о запрещении разрывать Замковую гору и об “исправлении этой горы”. Полиция строго предупредила местных жителей о запрете на проведение любых земляных работ на территории памятного места, а городская дума приняла решение “побудить к исправлению той Горы” подрядчика [20].

К сожалению, такое отношение власти к вопросам сохранения историко-культурного наследия было явлением не типичным. Равнодушие со стороны чиновников к судьбе памятников старины происходило от непонимания необходимости их изучения и сохранения. Дело это могли сдвинуть с мертвой точки лишь усилия исследователей-подвижников, которые приобщили бы к этому широкие слои населения. Научные круги долгие годы не могли выработать наиболее действенные формы и методы охраны культурно-исторического наследия. Их предложения ограничивались только одним – желанием создать Свод памятников. Считалось, что он сможет уберечь от разрушения отечественные древности. По сути, все сводилось только к регистрации подлежащих охране объектов, но не к самой охране памятников. Вместо того, чтобы подготовить строгий и действенный закон, который бы определял меру ответственности людей, виновных в порче или гибели какого-нибудь памятника старины, правительство занималось только сбором информации и регистрацией этих древностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Муравьев, М.Н.** Опыты истории, словесности и нравоучения. Сочинения Михаила Никитича Муравьева, изданные по его кончине: в 2 ч. / М.Н. Муравьев. – М.: Университетская тип., 1810. – Ч. 1. – 353 с.
2. Охрана памятников истории и культуры в России, XVIII – начало XX вв.: сборник документов. – М., 1978. – 264 с.

3. **Клепікаў, М.Я.** Урадавыя ўказы аб ахове помнікаў даўніны ў першай палове XIX стагоддзя / М.Я. Клепікаў // Магілёўская даўніна; рэдкал: А. Агееў (рэд.) [і інш.]. – 2001. – № 9. – С. 16-24.
4. **Ярашэвіч, А.А.** 3 гісторыі аховы помнікаў / А.А. Ярашэвіч // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1971. – № 2. – С. 46-48.
5. Канцелярыя могілеўскага грамадзянскага губернатара // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НІАБ). – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 97. – Л. 1-2.
6. Канцелярыя могілеўскага грамадзянскага губернатара // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НІАБ). – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 97. – Л. 3-5, 15-23, 46, 51, 52, 55, 67-72.
7. Канцелярыя могілеўскага грамадзянскага губернатара // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НІАБ). – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 731. – Л. 6-10, 23-25.
8. **Алексеев, Л.В.** Археология и краеведение Беларуси. XVI в. – 30-е годы XX в. / Л.В. Алексеев; под ред. Б.А. Рыбакова. – Минск: Беларуская навука, 1996. – 206 с.
9. Канцелярыя могілеўскага грамадзянскага губернатара // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НІАБ). – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 97. – Л. 84, 93.
10. Канцелярыя генерал-губернатара Віцебскага, Могілеўскага і Смаленскага // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НІАБ). – Фонд 1297. – Оп. 1. – Д. 5891. – Л. 1, 8, 14.
11. Канцелярыя віцебскага грамадзянскага губернатара // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НІАБ). – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 731. – Л. 31, 62.
12. **Алексеев, Л.В.** Археология и краеведение Беларуси. XVI в. – 30-е годы XX в. / Л.В. Алексеев; под ред. Б.А. Рыбакова. – Минск: Беларуская навука, 1996. – 206 с.
13. Канцелярыя віцебскага грамадзянскага губернатара // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НІАБ). – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 3795. – Л. 2, 4, 26, 30-32.
14. **Слезкин, Н.Ф.** Из архивных дел Витебского губернского правления / Н.Ф. Слезкин // Труды Витебской ученой архивной комиссии. – Кн. 1. – Витебск: Тип. насл. М.Б. Неймана, 1910. – С. 2-8.
15. Канцелярыя віцебскага грамадзянскага губернатара // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НІАБ). – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 3795. – Л. 54-56.
16. **Ткачев, М.А.** Замки Белоруссии / М.А. Ткачев. – Минск: Польшыя, 1987. – 222 с.
17. **Ткачев, М.А.** Замки Белоруссии / М.А.Ткачев. – Минск: Польшыя, 1987. – 222 с.
18. **Калнин, В.В.** Мирский замок / В.В. Калнин. – Минск: Польшыя, 1986. – 63 с.
19. **Пазняк, З.** Рэха даўняга часу / З.С. Пазняк. – Мінск: Народная асвета, 1985. – 111 с.
20. Канцелярыя віцебскага грамадзянскага губернатара // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НІАБ). – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 9658. – Л. 1-8.